

На правах рукописи

БОЛЕНКО Константин Григорьевич

ВЕРХОВНЫЙ УГОЛОВНЫЙ СУД В СИСТЕМЕ
РОССИЙСКИХ СУДЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Специальность 07.00.02. – отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва 2009

Работа выполнена на кафедре Истории России XIX – начала XX вв.
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Мироненко Сергей Владимирович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор Московского
педагогического государственного университета
Минаева Нина Васильевна,

кандидат исторических наук, старший преподаватель
Российского государственного гуманитарного
университета
Бабкова Галина Олеговна

Ведущая организация: Санкт-Петербургский институт истории РАН

Защита состоится «___» _____ 2009 г. в _____ час. на заседании
диссертационного совета Д 501.001.72 при Московском государственном университете им.
М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4,
Исторический факультет МГУ, ауд. А 416.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке МГУ им. М.В. Ломоносова по
адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, Библиотека МГУ.

Автореферат разослан «___» _____ 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук, доцент

Г.Р. Наумова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Изучение истории дореволюционных государственных учреждений развивается в последние десятилетия быстрыми темпами. Степень устойчивости и гибкости российского государственного механизма, в том числе самодержавия, их административный и реформаторский потенциал; система принятия решений; законотворческий процесс; обеспечение законности; репрессивная политика; место отдельных учреждений и роль их руководителей в разработке и осуществлении внутривластного курса – эти и многие другие проблемы, значительная часть которых до сих пор сохраняет свою актуальность, заставляют специалистов обращаться к истории конкретных государственных органов, в том числе судебных. Одним из таких институтов был Верховный уголовный суд. Согласно мнению, господствующему в научной и справочно-энциклопедической литературе, он представлял собой чрезвычайное судебное учреждение Российской империи по делам о государственных преступлениях и преступлениях по службе высших чиновников. Принято считать, что в своем развитии этот орган прошел три этапа: первый, с 1764 по 1864 г. – период складывания и законодательного оформления; второй, с 1864 по 1906 г. – период юридически оформленного существования в качестве самостоятельного чрезвычайного высшего судебного учреждения по указанным категориям дел; третий, с 1906 по 1917 г. он действовал как постоянное учреждение при Сенате по делам о служебных преступлениях высших должностных лиц. Считается, что Верховным уголовным судом проведены судебные процессы по делам В.Я. Мировича (1764), участников «чумного бунта» (1771), Е.И. Пугачева и его сообщников (1774–1775), декабристов (1826), «каракозовцев» (1864), А.К. Соловьева (1879). Отдельные авторы добавляют также дело польских повстанцев (1832–1834), рассматривавшееся Верховным (Особым) уголовным судом, дело петрашевцев (1849), находившееся в ведении Верховной (Особой)

военно-судной комиссии, и процесс бывших членов социал-демократической фракции Государственной думы (1913–1915).

Обращение к Верховному уголовному суду диктуется также логикой «заполнения лагун», поскольку возникновение и развитие этого органа совершенно не исследовано, несмотря на то, что среди российских судебных институтов XVIII – начала XX в. он был одним из «долгожителей», уступая пальму первенства только Сенату. Некоторый сдвиг в отношении к Верховному уголовному суду наблюдается только в последние годы. Так, в историко-правовой литературе его все чаще – хотя и декларативно – рассматривают как неотъемлемую часть российской судебной системы второй четверти XIX в., отмечается значительная роль в институционализации этого учреждения судебного процесса по делу декабристов (1826). Таким образом, монографическое изучение Верховного уголовного суда становится все более насущной научной задачей.

Хронологические рамки исследования. Ввиду того, что, с одной стороны, существование Верховного уголовного суда приходится на несколько сменяющих друг друга периодов отечественной истории, каждый из которых имеет свою специфику, а с другой, история этого суда изучена фрагментарно и методология его изучения не разработана, было сочтено разумным проигнорировать общепринятую периодизацию Верховного уголовного суда и сосредоточить основные усилия на том этапе его истории, когда это учреждение последовательно проходило путь от замысла до законодательного оформления. Таким периодом, по нашему мнению, является первая половина XIX в. (до судебной реформы 1864 г.), поскольку именно в эту эпоху история Верховного уголовного суда отличается рядом важных особенностей. Во-первых, это концептуальная целостность, поскольку авторство всех проектов создания этого суда принадлежит одному человеку – М.М. Сперанскому. Даже в тех случаях, когда проекты значительно отличались друг от друга, различия между ними могут быть исчерпывающе объяснены не изменением взглядов их автора, а политическими обстоятельствами. Во-вторых, именно в это время

Верховный уголовный суд появляется в законодательстве – впервые в 1811 г. в «Общем учреждении министерств», а затем и в Своде законов Российской империи 1832 г. Вплоть до 1864 г. не было произведено никаких законодательных изменений в устройстве и судопроизводстве этого органа. В-третьих, в 1826 г. впервые в истории России для проведения высшего политического процесса была создана судебная коллегия, называвшаяся Верховным уголовным судом, причем опыт этого процесса был затем использован в Своде законов.

Вместе с тем, изучение истории Верховного уголовного суда даже в рамках выбранного периода требовало значительного расширения хронологических рамок работы. С одной стороны, российская судебная система первой половины XIX в. сложилась еще в XVIII столетии; тогда же прошли высшие судебные процессы, аналогичные процессам XIX в., и существовали судебные учреждения, функции и организационная структура которых имели много общего с теми, что предполагались в проектах создания Верховного уголовного суда начала XIX в., а впоследствии были закреплены за этим органом в Своде законов 1832 г. К концу XVIII в. относятся и нереализованные проекты учреждений, весьма близких к тому, что впоследствии было задумано Сперанским. С другой стороны, многие тенденции, в том числе серьезные противоречия в развитии Верховного уголовного суда как части российской судебной системы, на наш взгляд, наиболее ярко обнаружились уже после судебной реформы 1864 г., в ходе последовавших высших политических процессов 1860-х – 1880-х гг. и развернувшейся дискуссии о судебных правах и прерогативах монарха. Все это заставило нас расширить общие хронологические рамки исследования с начала XVIII в. по 1880-е гг. Разумеется, круг «ранних» и «поздних» проблем находился в тесной связи с теми задачами, которые мы сочли актуальными для изучения Верховного уголовного суда первой половины XIX в., и решение этих проблем (а иногда исключительно их постановка), расширяя наши представления об этом учреждении, его возникновении, эволюции и функционировании, всего лишь

закладывает базу для изучения истории Верховного уголовного суда за рамками ключевого этапа.

Объект и предмет исследования. Объект исследования – Верховный уголовный суд Российской империи. Предмет исследования – место Верховного уголовного суда в системе российских судебных учреждений первой половины XIX в. на трех уровнях – юридической мысли и правосознания, действующего законодательства и правовой практики.

Цель исследования. Реконструировать историю складывания и функционирования Верховного уголовного суда как составной части судебной системы Российской империи и элемента правовых взглядов российской административной элиты первой половины XIX в., его путь от идеи и проекта до законодательно установленного и реально действовавшего судебного органа. Заложить основу для дальнейшего изучения Верховного уголовного суда.

Задачи исследования. При формулировке задач мы исходили из ряда существенных особенностей объекта исследования. Так, поскольку Верховный уголовный суд – чрезвычайное высшее судебное учреждение, он не мог функционировать постоянно, и небольшое число проведенных им судебных процессов еще не дает оснований его игнорировать как орган, не игравший существенной роли в судебной системе Российской империи; эти процессы могли исчерпывать весь круг дел, подпадавших под его юрисдикцию. Долгое существование суда, успешное преодоление им «гребней» судебной реформы 1864 г., а затем реформы высших органов власти в 1906 г. доказывают, что в судебной системе Российской империи Верховный уголовный суд появился не случайно и «ниша», занимаемая им в судебной и правовой системе второй половины XVIII – начала XX вв. отличалась немалой стабильностью. Особенно важное значение при изучении истории Верховного уголовного суда получает не только законодательная и процессуальная его история, но и место этого суда в истории юридической и политической мысли и правосознания, отразившееся в юридических сочинениях, в нереализованных реформаторских и контрреформаторских проектах, в откликах современников на политические

процессы, проводимые этим судом, а затем и в мнениях о нем историков. Долгое же существование этого суда доказывает, что, даже не созываясь, он был важен правительству как некий институциональный резерв, а также, возможно, как часть создававшегося правительством образа российской монархии, что могло делать его существенным элементом реализуемых в различные эпохи «сценариев власти». К тому же в условиях неотделенности в России первой половины XIX в. судебной власти от исполнительной институциональный контекст, в котором существует это учреждение, гарантированно оказывается более широким, чем даже система органов юстиции. Для высших судебных органов по ряду составов преступления – это, в первую очередь, самодержавный монарх, который не только утверждал приговор, но и нередко формировал состав судейской коллегии, оказывал влияние на форму и ход суда, обладал правом помилования, мог не допустить привлечения к ответственности того или иного обвиняемого или назначить наказание в обход судебных институтов, фактически в административном порядке. Тема Верховного уголовного суда оказывается тесно связанной с проблемой верховной судебной власти, которая, в свою очередь, неотделима от проблемы самодержавия и обеспечивавших его существование юридических институтов, социальных и культурных механизмов. Во-вторых, это Правительствующий Сенат, высший судебный орган империи. В-третьих – военные суды, часто привлекавшиеся для рассмотрения дел о государственных преступлениях.

Для достижения поставленной цели исследования был сформулирован следующий круг задач. Для XVIII – начала XIX в. – сравнить судебные процессы 1764, 1771, 1774–1775 гг. с предшествующими высшими судебными процессами; уточнить обоснованность общепринятого мнения о начале истории Верховного уголовного суда с 1764 г.; дать общий очерк складывания и эволюции екатерининского проекта Верхнего уголовного и Генерального судов; выяснить наличие аналогов этих судебных учреждений в российских политических проектах этого периода. Для первой половины XIX в. –

проанализировать проекты Верховного уголовного суда, созданные Сперанским в 1800–1810-е гг.; оценить степень и каналы преемственности проектов Сперанского и Екатерины II; определить место Верховного уголовного суда в деятельности Сперанского на разных ее этапах; выяснить наличие или отсутствие аналогичных учреждений в российских конституционных проектах первой четверти XIX в., Конституционной Хартии Царства Польского и конституциях иностранных государств; реконструировать процесс эволюции взглядов Николая I на решение участи декабристов и на оптимальную форму суда над ними; оценить возможность влияния общественных ожиданий на выбор этой формы; описать характер восприятия обществом созданного Верховного уголовного суда и его деятельности, в первую очередь, процессуальный и институциональный контекст, в который помещали современники Верховный уголовный суд; уточнить роль Сперанского в создании Верховного уголовного суда по делу декабристов (1826), в частности, наличие или отсутствие мотивов для непосредственного участия в подготовке высшего политического процесса по этому делу, возможных связей с кодификационной деятельностью, характер использования Сперанским материалов политических процессов 1764 и 1774–1775 гг.; выявить место Верховного уголовного суда в законодательстве второй четверти XIX в., в первую очередь в важнейших кодификационных памятниках этого времени: Своде законов 1832 г. и Своде военных постановлений 1838 г.; соотнести законодательство о Верховном уголовном суде с судебной практикой второй четверти XIX в. и раскрыть факторы, способствовавшие «маргинализации» Верховного уголовного суда в системе российских судебных учреждений; определить обоснованность причисления к Верховному уголовному суду судебных комиссий по делам польских повстанцев 1832–1834 гг. и петрашевцев 1849 г.; выяснить причины слабого внимания историков к Верховному уголовному суду; дать критическую оценку концепции Верховного уголовного суда, представленной в существующей справочной и энциклопедической литературе, и найти ее истоки.

Методология исследования. Методология базируется на применении в рамках одной работы историко-юридического и историко-политического методов, а при анализе судебной системы и Верховного уголовного суда как учреждения – на соединении институционального и функционального подходов. Ключевая роль в институционализации Верховного уголовного суда, которую на протяжении нескольких десятилетий играл Сперанский, обусловила использование биографического метода. Актуальность анализа самого термина «верховный уголовный суд» сделала необходимым применение лексикологического инструментария.

При проведении исследования мы опирались на некоторые идеи, разработанные в отечественной истории права В.С. Нерсесянцем и Е.А. Скрипилевым, а именно, о сложном соотношении в истории права текстов законодательных актов, с одной стороны, и их практического применения и реального значения, с другой, об адекватности/неадекватности юридического памятника юридическим потребностям и, следовательно, необходимости различать *jus*, писанный закон, и *lex*, действительно действующие правовые нормы, что в условиях самодержавия приобретало особую остроту. Большое значение имела для нас и концепция Ю.В. Мещерякова о соотношении уголовного права и процесса в России первой половины XIX в., в которой весьма удачно, на наш взгляд, описана многоукладность российской системы уголовной репрессии и невозможность для нее ограничиваться рамками судебных учреждений вообще и профильных судебных учреждений в частности. Зависимость дореформенной судебной системы от исполнительной власти рассматривается автором не только как пережиток предшествующей эпохи, но и как средство обеспечить эффективность уголовного процесса. Для истории Верховного уголовного суда эта концепция имеет тем большее значение, что вмешательство монарха в дела о государственных преступлениях и преступлениях высших должностных лиц всегда было весьма значительным и деятельность Верховного уголовного суда должна оцениваться в контексте не только судебной системы, но и административных репрессивных «практик».

Источниковая база исследования. Источники, используемые в настоящей диссертации, в значительной степени опубликованы, и, ввиду новизны самой темы, одной из важнейших и первоочередных своих задач мы видели выявление и обработку корпуса уже напечатанных материалов.

Во-первых, это законодательные акты. Первоочередное значение для настоящей диссертации имеют Своды законов 1832, 1842 и 1857 гг. (особенно т. 15: Свод законов уголовных), а также Свод военных постановлений (в первую очередь, ч. 5).

Многие акты, в том числе учредительные манифесты об образовании высших чрезвычайных судебных учреждений, их высочайше подтвержденные приговоры, Судебные уставы 1864 г., указы, которые подтверждали место Верховного уголовного суда в системе судебных учреждений или вносили некоторые изменения в его устройство и порядок производства, были напечатаны в трех Полных собраниях законов Российской империи, которые также используются в настоящем исследовании и как источники текстов конкретных законов, и как важная веха кодификационной работы.

Вторая группа источников – это массив законопроектов второй половины XVIII – первой половины XIX вв., касающихся реформирования высшего эшелона судебной системы, материалы деятельности учреждений по разработке этих проектов и политические записки, часто предшествовавшие законопроектам и близкие им по структуре и содержанию. В первую очередь, это упомянутые выше проекты и сочинения Екатерины II и М.М. Сперанского, уделявших немало внимания разработке устройства суда по государственным преступлениям и преступлениям высших должностных лиц, а также «Записка для составления законов Российских» А.А. Безбородко (1798), Государственная уставная грамота Российской империи (1819–1822) и материалы секретного комитета, созданного по указу от 6 декабря 1826 гг.

Третья группа источников – мемуарные и эпистолярные материалы и официальные донесения правительственных агентов и чиновников (на наш взгляд, в данном случае эти три вида источников можно рассматривать

совместно), особенно важные для реконструкции отношения общества к Верховному уголовному суду и, шире, к отдельным судебным процессам. Особое значение мемуарные и эпистолярные источники имеют для третьей главы настоящего исследования, где одной из наших задач была реконструкция диапазона и динамики общественных ожиданий, связанных с решением участи арестованных декабристов, и место в этих ожиданиях идеи суда вообще и конкретного судебного учреждения, в частности. Особенное внимание мы считаем нужным обратить на публикацию пространных выдержек из писем П.Н. Ивашева (отца декабриста В.П. Ивашева) в статье М.Д. Беляева¹, которые представляют собой первоклассный источник по динамике дворянских настроений первой половины – середины 1826 г. (в том числе по истории восприятия Верховного уголовного суда), почти совершенно выпавший из поля зрения специалистов, занимавшихся этим вопросом.

Четвертую группу источников составляют справочно-энциклопедическая и юридическая литература XVIII – начала XX в., необходимая для изучения юридической терминологии, а также для выявления некоторых черт юридического сознания, которые могли сыграть определенную роль и в появлении Верховного уголовного суда, и в его восприятии различными слоями российского общества, в данном случае – профессиональными юристами.

Материалы собственно высших судебных процессов представляли для нас сравнительно небольшой интерес, поскольку те особенности организации высших судебных комиссий и судопроизводства, которые были важны при проведении настоящего исследования, как правило, в достаточной степени фиксировались учредительными манифестами и различного рода опубликованными материалами.

Так как одной из поставленных нами задач является реконструкция начального этапа историографической традиции, важным источником

¹ Беляев М.Д. От ареста до ссылки (по данным семейного архива Ивашевых) // Памяти декабристов. Л., 1926. Сб. 2. С. 1–72.

выступает и собственно историография о судебных процессах, проведенных Верховным уголовным судом.

Из архивных источников нами привлечены документы из фондов Сперанского и его секретаря К.Г. Репинского, хранящиеся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ф. 731 и 637 соответственно), проекты Екатерины II из фонда ее Кабинета (ф. 10), находящиеся в Российском государственном архиве древних актов. Они позволяют реконструировать работу этих государственных деятелей над интересующими нас законопроектами, особенно те детали этого процесса, которые ввиду неактуальности в рамках иной проблематики были опущены другими исследователями, обращавшимися к этим материалам.

Также нами были привлечены некоторые документы фонда 48 (Следственная комиссия и Верховный уголовный суд по делу декабристов) Государственного архива Российской Федерации, фиксировавшие отдельные этапы работы Сперанского над подготовкой судебного процесса 1826 г.

Для уточнения вопроса о типологической принадлежности Верховного (Особого) уголовного суда в Польше мы обратились к его документам, также хранящимся в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 453).

Степень изученности темы. В настоящее время имеется единственная научная работа, специально посвященная Верховному уголовному суду как государственному учреждению². В ней впервые дан краткий, хотя и весьма неполный очерк историографии темы; выделены места хранения основных делопроизводственных комплексов Верховных уголовных судов; охарактеризовано соотношение в российской судебной системе Верховного уголовного суда, с одной стороны, и Особого совещания Правительствующего Сената для суждения дел о государственных преступлениях и противозаконных сообществах, с другой; более подробно, чем раньше, описана история развития

² Корнева Н.М. Верховный уголовный суд в России в XIX – начале XX в. // Вопросы архивоведения и истории государственных учреждений / ЦГИА СССР. Л., 1989. С. 113–129 (Рукопись депонирована в СИФ ОЦНТИ ВНИИДАД по документоведению и архивному делу 22.01.1991, № 086-91)

Верховного уголовного суда после судебной реформы 1864 года, в том числе сделана попытка связать появление и развитие пореформенного Верховного уголовного суда с политикой самодержавия в судебной сфере; подробно рассмотрен судебный процесс 1913–1915 гг. над членами социал-демократической фракции Государственной Думы. К сожалению, работа Н.М. Корневой, которая могла бы стать началом прорыва в изучении Верховного уголовного суда, осталась неопубликованной и совершенно не вовлеченной в научный оборот, и вся печатная литература о Верховном уголовном суде в настоящий момент ограничивается статьями в справочных и энциклопедических изданиях, общих и специальных, от энциклопедических словарей до тематических справочников, посвященных дореволюционным государственным учреждениям³, а также краткими описательными очерками в монографических историко-правовых исследованиях и учебных пособиях. Во многих изданиях по истории российского права и отечественных государственных учреждений Верховный уголовный суд или вообще проигнорирован, или только упомянут.

Лучше изучены отдельные процессы, приписываемые этому суду, особенно суд над Е.И. Пугачевым 1774–1775 гг. и Верховный уголовный суд по делу декабристов 1826 г.⁴, выявлены некоторые общие черты, существовавшие между процессами 1764, 1771, 1774–1775 и 1826 гг., и элементы преемственности между ними. При этом нельзя не отметить, что в трудах авторов, изучавших эти судебные процессы, верховные чрезвычайные

³ В специализированных исторических энциклопедиях и справочниках по дореволюционным государственным учреждениям статьи о Верховном уголовном суде см.: Государственность России: Словарь-справочник. М., 1996. Кн. 1: А–Г. С. 63 (авт.: Ю.С. Воробьева); Высшие и центральные государственные учреждения России: 1801–1917: В 4 т. СПб., 1998. Т. 1: Высшие государственные учреждения / Отв. ред. Н.П. Ерошкин; Отв. сост. Д.И. Раскин. С. 126–127 (авт.: Н.М. Корнева, Л.И. Тютюнник, Б.Ф. Додонов); Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. М., 1994. Т. 1: А–Д. С. 375–376 (авт.: Н.М. Корнева, И.Я. Воробьева).

⁴ Основные работы на эту тему – *Овчинников Р.В.* 1) Следствие и суд на Е.И. Пугачевым и его сподвижниками: Источниковедческое исследование. М., 1995. Гл. 5; 2) Документы Е.И. Пугачева на судебном процессе декабристов // Труды МГИАИ. М., 1966. Т. 24. Вып. 2. С. 174–182. *Федоров В.А.* «Своей судьбой гордимся мы...»: Следствие и суд над декабристами. М., 1988. Гл. 4.

судебные комиссии екатерининского царствования как единое судебное учреждение, как правило, не рассматриваются и Верховным уголовным судом почти нигде не названы. Со времени появления тематических статей в справочно-энциклопедической литературе⁵ обоснованность существующей периодизации суда и ставшей хрестоматийной цепочки процессов 1764, 1771, 1774–1775, 1826, 1864, 1879 гг. сомнению не подвергалась. Не исследован процесс возникновения и эволюция самой идеи Верховного уголовного суда как единой и отдельной инстанции по делам о государственных преступлениях и преступлениях высших должностных лиц. В статье Н.М. Корневой «энциклопедическая» традиция также остается и не осмысленной, и не преодоленной.

При том, что сам процесс возникновения в России Верховного уголовного суда остается неизученным, основа для реконструкции раннего периода его истории была заложена уже в конце XIX – начале XX в. При описании таких проектов М.М. Сперанского как «Введение в Уложение государственных законов» (1809) и проект переустройства Сената (1811) неоднократно излагались и те их статьи, где идет речь о создании в России Верховного уголовного суда. Сами эти проекты к настоящему времени уже неоднократно опубликованы. Специалистам также хорошо известно об активном участии Сперанского в организации судебного процесса 1826 г., о реанимации им проекта сенатской реформы в секретном комитете, созданном 6 декабря 1826 г., о наличии в Своде законов Российской империи (1832), созданном под руководством Сперанского, ряда статей, посвященных Верховному уголовному суду. Парадоксально, но все эти факты не были

⁵ Впервые, под заглавием «Верховный суд», в юридическом справочнике: *Новаковский М.М.* Следственно-судебный словарь уголовным и полицейским законам для практического употребления ; Сост. по Своду издания 1857 года и продолжениям к оному. Киев, 1861. Ч. 1: А–Г. С. 85–86. Под заглавием «Уголовный верховный суд» в общем справочно-энциклопедическом издании первую краткую справку см.: Необходимое дополнительное приложение к Настольному словарю Ф. Толя, под его же редакцию составленное. СПб., 1866. Т. 3: П–V. С. 515 (1329). Более подробная статья, с включением цепочки судебных процессов 1764–1826 гг., впервые в изд.: *Русский энциклопедический словарь*, / Издаваемый И.Н. Березиным. СПб., 1875. Отд. 1. Т. 5: В–Г. С. 149–150.

связаны между собой, а место Верховного уголовного суда в политических проектах и государственной деятельности Сперанского так и не было осмыслено как актуальная научная задача. К примеру, упомянутые проекты Сперанского совершенно проигнорированы историками суда над декабристами.

Более столетия назад в научный оборот были введены и с тех пор неоднократно использовались историками проекты Екатерины II конца 1780-х – первой половины 1790-х гг. по преобразованию Сената и созданию Главной Расправной палаты⁶. Важной составной частью этих проектов было создание в России высших судебных учреждений по делам о государственных преступлениях и преступлениях высших должностных лиц, то есть институциональных аналогов Верховного уголовного суда, – Верхнего уголовного и Генерального судов. Тем не менее, эти и ряд других давно опубликованных проектов конца XVIII – первой четверти XIX в., предусматривавших создание высших судебных органов с подобной юрисдикцией, – «Записка для составления законов Российских» А.А. Безбородко (1798), Государственная уставная грамота Российской империи (1818–1822) – не соотнесены ни между собой, ни с проектами Сперанского, ни с законодательной и процессуальной историей Верховного уголовного суда.

При том, что история собственно Верховного уголовного суда разработана слабо, многие проблемы, имеющие большое значение для изучения этого учреждения, к настоящему времени уже поставлены и решены. Так, первостепенное значение при проведении настоящего исследования имели труды О.А. Омельченко по истории «просвещенного абсолютизма» в России и реформаторских проектов Екатерины II⁷, в частности, его идея о том, что одной

⁶ Коркунов Н.М. Два проекта преобразования Сената второй половины царствования императрицы Екатерины II (1788 и 1794 годов) // СПб., 1899; Омельченко О.А. Идеи конституционного закона и «всеобщей законности» в правовой политике «просвещенного абсолютизма» в России: неизвестный проект Екатерины II «О узаконениях вообще» // Проблемы правовой и политической идеологии: Сб. науч. тр. / Отв. ред. З.М. Черниловский, И.А. Исаев. М., 1989. С. 82–108.

⁷ Кроме упомянутой выше статьи см. также: Омельченко О.А. 1) К истории судебной политики просвещенного абсолютизма в России // Вопросы истории права и права и правовой политики в эксплуататорском государстве: Сб. науч. тр. / Отв. ред. И.А. Исаев,

из важнейших целей этих реформаторских усилий было установить в России законность. Рассмотрение автором проекта Главной Расправной палаты и ее второго департамента, Верхнего уголовного суда, как части усилий Екатерины по установлению в России «законной монархии» задает, на наш взгляд, тот угол зрения, под которым должна быть исследована и история Верховного уголовного суда: в тесной связи с идеями законной монархии и законности. Распространение идеи законности в российском обществе конца XVIII – начала XIX в., в том числе среди правящей элиты, стало предметом исследования в целом ряде научных работ, среди которых первостепенное значение имели для нас статьи В.М. Боковой и Ф.Л. Севастьянова⁸.

При рассмотрении петербургского процесса по делу декабристов, реконструкции взглядов Николая I на решение их участи и поисков им оптимальной формы суда над заговорщиками было невозможно пройти мимо статей и диссертации О.В. Эдельман⁹, в которых впервые Следственная комиссия описана как государственное учреждение и уточнено место императора в следственном процессе, и монографии П.В. Ильина, где действия Николая I по освобождению от наказания лиц, привлекавшихся к следствию, еще до начала судебного разбирательства проанализирована с точки зрения действовавшего в России законодательства и института помилования¹⁰.

О.А. Омельченко. М., 1989; 2) Конституция «просвещенного абсолютизма» (Неизвестные законодательные проекты Екатерины II) // Советское государство и право. 1989. № 8. С. 136–142; 3) «Законная монархия» Екатерины II. М., 1993, и др.

⁸ Бокова В.М. Тема законности в русской печати начала XIX в. // ВМУ. Сер. 8. История. 1989. № 6. С. 34–40; Севастьянов Ф.Л. Принцип законности и либеральная идея в первые годы царствования императора Александра I // Личность и власть в истории России XIX – начала XX вв.: Мат-лы науч. конф. / Отв. ред. А.Н. Цамутали. СПб., 1997. С. 243–248.

⁹ Эдельман О.В. 1) Воспоминания декабристов о следствии как исторический источник // ОИ. 1995. № 6. С. 34–44; 2) Количественный анализ материалов следствия над декабристами // Информационный бюллетень Ассоциации "История и компьютер". № 17. М., 1996. С. 131–132; 3) Следственный комитет по делу декабристов: организация деятельности // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. 2. С. 209–235; 4) Квантитативный подход к изучению материалов следствия над декабристами // Там же. СПб.; Кишинев, 2001. Вып. 4. С. 51–60; 5) Декабристы на допросах: опыт количественной характеристики // Там же. С. 333–362.

¹⁰ Ильин П.В. Новое о декабристах: Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004.

Научная новизна исследования. В настоящей диссертации Верховный уголовный суд как государственное учреждение впервые сделан темой отдельного исследования. Подвергнута критическому рассмотрению существующая концепция истории Верховного уголовного суда: выявлены ее истоки, реконструирован процесс ее формирования, уточнена заложенная в ней периодизация истории этого судебного органа. Доказано, что в основе этой концепции лежит работа Сперанского по кодификации российского законодательства, подготовке судебного процесса по делу декабристов и институционализации Верховного уголовного суда. Для раннего этапа истории Верховного уголовного суда (XVIII в.) описан процесс складывания термина «верховный уголовный суд» и его дополнительные значения, выявлены институциональные аналоги будущего Верховного уголовного суда, существовавшие в начале XVIII в., в том числе судебная коллегия по делу царевича Алексея (1718) и Вышний суд (1723–1726), проанализирована практика проведения высших судебных процессов по государственным преступлениям на протяжении XVIII в. и ее эволюция, продемонстрирован важный сдвиг, происшедший в этой сфере при Екатерине II, когда подсудность высшим судебным комиссиям перестала быть «привилегией» высших чиновников. Впервые дан очерк Генерального суда, проект которого был разработан Екатериной II в 1780–1790-е гг., показана его связь с Вышним судом, существовавшим при Петре I, и теми проектами высших судебных учреждений по делам о государственных преступлениях и преступлениях высших должностных лиц, которые были разработаны в конце XVIII – начале XIX в. А.А. Безбородко и М.М. Сперанским.

Выявлено место, которое занимала идея Верховного уголовного суда в деятельности Сперанского. Показано, что эта идея, сложившись на протяжении 1803–1811 гг. в стройную концепцию, стала важной частью его проекта «истинной монархии», занимала великого реформатора на протяжении всей его жизни, и получила подробную разработку в ряде политических записок, законопроектов и законодательных актов, в которых трансформировалась

исключительно под влиянием политических обстоятельств. Усилия Сперанского по институционализации Верховного уголовного суда – вопреки существующей концепции истории этого учреждения – были вполне успешны, на законодательном уровне он стал органической частью российской судебной системы. Отношение к идее Верховного уголовного суда (или подобных ему судебных учреждений) со стороны российской административной и интеллектуальной элиты было неоднозначным, существовали как ее сторонники (что доказывается появлением аналогичного судебного учреждения, Верховного государственного суда, в Государственной уставной грамоте Российской империи), так и ее противники. Показано, что против создания Верховного уголовного суда решительно выступал Н.М. Карамзин, не принимавший идеи судебной и политической ответственности назначенных государем министров. В диссертации продемонстрировано, что, желая сделать следующий шаг в институционализации Верховного уголовного суда, Сперанский в 1826 г. скорее всего сам добился для себя поручения организовать судебный процесс по делу декабристов.

Впервые проанализированы общественные ожидания, связанные с формой суда по делу декабристов. Показано, что в целом российское общество не ждало создания Верховного уголовного суда и подобных ему учреждений, не оказало влияния на Николая и Сперанского при выборе ими судебной формы, а затем нередко путало Верховный уголовный суд с Сенатом. Взгляды же Николая I на оптимальную судебную форму по делу декабристов прошли непростую эволюцию и окончательно установились не ранее конца апреля 1826 г.; на первом месте для него были собственная роль в решении участи подсудимых и военный суд.

В работе подробно рассмотрено реальное место Верховного уголовного суда в системе судебных учреждений Российской империи, которое оказалось ниже заявленного в Своде законов 1832 г. и Своде военных постановлений 1838 г. Показано, что важнейшими факторами, способствовавшими снижению роли Верховного уголовного суда, стали склонность Николая I к внесудебной

репрессии, причем по личному императорскому распоряжению, его нежелание ограничивать себя в своем праве создавать судебные учреждения *ad hoc* (именно таковыми следует считать комиссии по делам польских повстанцев 1832–1834 гг. и петрашевцев 1849 г.) и общая милитаризация следственного и судебного процессов по уголовным делам.

Впервые рассмотрено отношение к Верховному уголовному суду со стороны либеральной части российского общества во второй половине XIX в. и показана низкая его популярность в этой среде. Продемонстрировано, что принципы судебной реформы 1864 г. вступали в резкое противоречие с традиционными судебными прерогативами монарха, в частности, правом помилования. Это способствовало не только свертыванию судебного рассмотрения политических дел, но и выбору власти в тех случаях, когда нельзя было отказаться от суда, в пользу более простых и послушных инструментов – военного суда и Особого присутствия Правительствующего Сената.

Практическая значимость исследования. Результаты работы могут способствовать дальнейшему изучению как Верховного уголовного суда, так и государственной деятельности лиц, замышлявших или принимавших участие в создании Верховного уголовного суда и аналогичных ему учреждений: Екатерины II, А.А. Безбородко, М.М. Сперанского, Н.Н. Новосильцева. Целостное представление о данном государственном учреждении позволит уточнить существующие представления о функционировании самодержавия как политической системы, а также о конкретных судебных процессах, проводимых как этим судом, так и без его участия. Основные выводы и результаты исследования могут быть использованы при составлении учебных пособий и лекционных курсов по истории судебных учреждений и внутренней политики Российской империи.

Апробация работы. Отдельные положения настоящей диссертации были представлены и обсуждены на V конференции Ассоциации "История и компьютер", проходившей в Москве в 1998 г., на семинаре «Декабристы: 175

лет спустя. Итоги и перспективы изучения истории движения декабристов», проходившем в ГАРФ 26 декабря 2000 г. (тема доклада – «Возможности историко-правового подхода к изучению Верховного уголовного суда над декабристами: новые методы исследования»); на юбилейной конференции «Декабристы и их эпоха», проходившей в Петербурге 14–15 декабря 2005 г. (тема доклада – «Верховный уголовный суд над декабристами (проблемы изучения и публикации источников).

Структура диссертации. Диссертационная работа состоит из введения, трех основных глав, в свою очередь разбитых на разделы, заключения, списка сокращений, списка использованных источников и научной литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснованы актуальность и научное значение выбранной темы, сформулированы основные методологические принципы, цели и задачи исследования, его объект и предмет, хронологические рамки, новизна и практическое значение, проанализирована степень изученности темы и отмечены некоторые причины слабого внимания к ней со стороны историков государственных учреждений, а именно, неактуальность проблемы Верховного уголовного суда в юридических дискуссиях пореформенного периода и широкое распространение взгляда на высшие судебные процессы по государственным преступлениям как на расправу самодержавия с политическими противниками. С целью проиллюстрировать те ограничения, которые накладывались на изучение Верховного уголовного суда концептом расправы, была подробно проанализирована историография петербургского судебного процесса по делу декабристов.

Первая глава, **«Предпосылки создания Верховного уголовного суда в конце XVIII – начале XIX века. Верховный уголовный суд в реформаторских планах и политической деятельности М.М. Сперанского первой четверти XIX века»**, состоит из шести разделов. В первом разделе,

«Особенности судебной системы и правового сознания в России в XVIII – начале XIX века», дается краткое описание судебной системы Российской империи как системы властных институтов, обладающих судебными компетенциями, а также рассматриваются те черты российской судебной системы и правового сознания, которые имели непосредственное отношение к преследованию государственных преступлений и преступлений высших должностных лиц. Особое внимание обращено на важность, с одной стороны, самого распространения следственно-судебной практики по этим делам в России XVIII в. вместо института опалы, а с другой, на явное преобладание следствия над судом и ключевую роль самодержца в процессе принятия окончательного решения. Отмечены сложные взаимосвязи между институтом самодержавия, с одной стороны, и идеей «законности», получавшей все большее распространение в общественном сознании в XVIII – начале XIX столетия, с другой. Во втором разделе, *«Государственные и должностные преступления. Высшие судебные процессы и высшие судебные учреждения по делам о государственных преступлениях и преступлениях высших должностных лиц в XVIII в.»*, кратко описано содержание понятий государственных и должностных преступлений в XVIII и частично в XIX столетиях и продемонстрирован принципиальный шаг, сделанный Екатериной II при организации высших судебных процессов 1760-х – 1770-х гг. в сравнении с процессами 1710-х – 1740-х гг., в частности, распространение юрисдикции высших судебных комиссий на представителей всех сословий. Показана противоречивость взглядов самой Екатерины на организацию этих комиссий: с одной стороны, их основу составлял Сенат, что было неоднократно подчеркнуто в законодательстве и позволяло рассматривать эти комиссии как расширенный сенатский суд; с другой, Екатерина открыто, правда, лишь один раз, продекларировала, что считает эти комиссии особыми судебными учреждениями и что особо тяжкие преступления требуют именно особенных судебных органов. Третий раздел, *«"Верховный уголовный суд" – к истории термина»*, в основном посвящен решению вопроса о времени появления этого

понятия в русском языке. В частности, выясняется, что прилагательное «уголовный» как устойчивый юридический термин возникает не раньше конца 1760-х – середины 1770-х гг. В этом же разделе фиксируются некоторые особенности термина «Верховный уголовный суд» – в частности, его изначально описательный характер и возможность употребления его как типологической характеристики разноименных учреждений, а также для называния не только судебных учреждений, но и проводимых им процессов и т. д. Распространение термина «Верховный суд» для обозначения как Верховного уголовного суда, так и Сената, еще более размывает семантическое поле, в котором существовало понятие «Верховного уголовного суда», что требует сугубого внимания к его использованию в исторической литературе. Содержание четвертого раздела первой главы, *«Проекты Екатерины II по созданию Верхнего уголовного и Генерального судов»*, составляет эволюция планов Екатерины середины 1780-х – первой половины 1790-х гг. по созданию учреждения, а затем и системы учреждений (Верхний уголовный суд и Генеральный суд), которые осуществляли бы суд по наиболее тяжким государственным преступлениям, а также судили бы высших должностных лиц за преступления по службе. Здесь же устанавливается определенная преемственность этих учреждений с действовавшим при Петре I Вышним судом, возможность прямого влияния петровского учреждения на проект Екатерины II, процесс деления изначально единого учреждения на ряд инстанций и доказываются важное место Верхнего уголовного и Генерального судов в намечавшемся Екатериной в 1780-е гг. плане реформы высших органов власти. Здесь же рассматривается преломление идеи Верхнего уголовного и Генерального судов в «Записке для составления законов Российских», составленной в 1798 г. канцлером А.А. Безбородко. В пятом разделе, *«Верховный уголовный суд в планах и деятельности М.М. Сперанского»*, представлен процесс разработки им устройства этого судебного учреждения, главным образом во «Введении к Уложению государственных законов» (1809), «Общем учреждении министерств» (1811) и проекте создания Судебного

Сената (1811). Кроме демонстрации того факта, что идея Верховного уголовного суда занимала важное место в его концепциях судебной реформы Российской империи и в реализации принципа ответственности министров, здесь также показано, что многие параграфы устройства Верховного уголовного суда по делу декабристов в 1826 г. были разработаны Сперанским не по поручению Николая I в первой половине 1826 г., а уже в конце 1800-х – начале 1810-х гг. В этом же разделе на примере сибирского законодательства показано, что провал сенатской реформы совсем не означал отказа Сперанского от идеи создать в России Верховный уголовный суд, но знаменовал переход при реализации этой идеи к тактике небольших шагов, наполняющих конкретным содержанием «спящие» статьи «Общего учреждения министерств». 6-й раздел, *«Аналоги Верховного уголовного суда в конституционных проектах первой четверти XIX века»*, посвящен организации судебной власти по рассматриваемым составам преступлений в Конституционной хартии Царства Польского (1815) и Государственной уставной грамоте Российской империи (конец 1810-х – начало 1820-х гг.). Показано, что идея отдельного высшего судебного учреждения по делам о преступлениях высших должностных лиц и государственным преступлениям – отдельного от высших инстанций общего уголовного судопроизводства – пользовалась у российской административной элиты определенной популярностью. Вместе с тем о всеобщей поддержке этой идеи вести речь не приходится – так, Н.М. Карамзин рассматривал идею министерской ответственности, в том числе судебной, как подрывающую основы самодержавия. Высшие судебные процессы екатерининского царствования в 1825 г. рассматривались административной элитой как сенатские.

Вторая глава, *«Верховный уголовный суд по делу декабристов как этап в развитии учреждения. Влияние суда 1826 года на складывание историографии Верховного уголовного суда»* состоит из пяти разделов. В первом разделе, *«Варианты решения участи декабристов. Тактика Николая и ее влияние на поведение декабристов и общественные ожидания»*

проанализирована роль, избранная Николаем I в ходе следствия над декабристами, и доказывается, что фактически можно вести речь о параллельном функционировании наряду со следствием своеобразного монаршего суда, что давало шанс (для многих иллюзорный) на скорое и сравнительно мягкое решение участи, в том числе полное помилование и даже оправдание, без предварительного вынесения приговора и даже до завершения самой следственной комиссией намеченных следственных действий. Эта модель следствия оказалась весьма эффективной по ряду причин, в числе которых были суровость российских законов по делам о государственных преступлениях, с одной стороны, и неограниченность судебных прерогатив самодержца, с другой. Иными словами, спектр возможных решений участи колебался от массовой казни до полного и всеобщего помилования. Во втором разделе, *«Поиск Николаем адекватной судебной формы. Общественные ожидания, связанные с формой суда»*, рассматривается в первую очередь эволюция взглядов императора на механизм решения участи заговорщиков: мысль вообще обойтись без судебного процесса, идея создания особой комиссии неопределенного состава, появившаяся не позже февраля 1826 г., и наконец концепция Верховного уголовного суда в том виде, в котором она нашла свое воплощение в учредительном манифесте от 1 июня. Показано, что военный суд занимал важное место в размышлениях императора на эту тему, и даже в конце апреля 1826 г. он мыслил судебную конструкцию как двухуровневую, когда собрание высших сановников судит зачинщиков, а остальных обвиняемых – полковые суды.

Эволюция общественных ожиданий и слухов, связанных с решением участи подсудимых, представляла собой комплекс реакций тогдашнего правового сознания российского общества на бунт, следствие, поведение императора и утечки информации – трудно сказать, насколько преднамеренные. В целом можно зафиксировать эволюцию ожиданий от уверенности в проведении массовых казней до надежды на более мягкий приговор. При этом собственно о форме суда как декабристы, так и остальное российское общество

размышляли очень мало, аналогов с предыдущими высшими судебными процессами не проводили и решение участи заговорщиков связывали почти исключительно с императором. Впоследствии, с началом работы суда, название судебного органа многие современники восприняли как типологическую характеристику, и некоторые из них даже были уверены в том, что заговорщиков судит Сенат. Таким образом, общественные ожидания оказывали на выбор императором формы суда самое минимальное воздействие.

В этой связи требуется уточнение роли Сперанского, который, как известно, был негласным организатором Верховного уголовного суда 1826 г. Близость концепций 1811 и 1826 гг., важность для Сперанского самой идеи Верховного уголовного суда, его активная кодификационная деятельность, новый этап которой начался еще в 1824 г. и не прерывался вплоть до января 1826, до назначения его фактическим руководителем только что созданного II отделения Собственной его императорского величества канцелярии, – все это позволяет утверждать, что организация Сперанским этого судебного процесса не была ни «слепым отростком» его административной карьеры, ни нежелательным поручением, от которого нельзя было отказаться. Желая сделать следующий шаг в институционализации Верховного уголовного суда, а также создать необходимый прецедент для будущей кодификации уголовного и уголовно-процессуального законодательства, Сперанский сам добился этого поручения и успешно с ним справился, создав компромиссную конструкцию, которая, с одной стороны, отвечала пожеланиям Николая I, а с другой, приближала законодательное оформление дорогого ему детища. Наконец, четвертый раздел второй главы, *«Концепции Верховного уголовного суда 1826 года и их влияние на историографию Верховного уголовного суда»*, посвящен складыванию различных версий судебного процесса и их влиянию на историографию суда над декабристами и историографию Верховного уголовного суда в целом. В частности, продемонстрирована неизбежность «победы» во второй половине XIX – начале XX в. декабристской версии Верховного уголовного суда 1826 г., согласно которой суд представлял собой

грубую и незаконную расправу; официальная версия не имела шансов на успех. С другой стороны, Сперанским в 1826 г. были четко сформулированы основы иной концепции процесса 1826 г. и Верховного уголовного суда в целом, которая тесно связывала суд 1826 г. и ряд предшествующих высших судебных процессов и в которой угадываются контуры будущих описаний Верховного уголовного суда в научной и справочно-энциклопедической литературе.

В итоговой, части второй главы рассматриваются те тенденции начала николаевского царствования, которые препятствовали дальнейшей институционализации Верховного уголовного суда и подготовили в будущем его маргинализацию даже после того, как позднее были законодательно установлены принципы его организации и процессуальные особенности. Во-первых, это двухзвенная организация судебного разбирательства по делу декабристов, когда часть заговорщиков судили в Петербурге Верховным уголовным судом, а часть военно-судными комиссиями. Во-вторых, это обнаруженная уже в 1826 г. склонность Николая I к внесудебному преследованию политических противников. И в-третьих, милитаризация следствия и суда по государственным и политическим преступлениям за счет создания III Отделения и аффилированного с ним Корпуса жандармов и расширения юрисдикции и сферы практического применения военных судов. Уже в 1826 г. Николай проявил свое отношение к Верховному уголовному суду не как к неременному органу российской судебной системы, а как к факультативному учреждению, применение которого диктовалось исключительно особенностями политического момента и пропагандистскими соображениями.

В третьей главе, **«Верховный уголовный суд в реформаторских проектах, законодательстве и правовой практике второй четверти XIX века»**, в первом ее разделе, **«Верховный уголовный суд и суд 1828 года над членами польского Патриотического общества»**, кратко рассмотрены мотивы, которыми руководствовался Николай I, принимая решение о предании

польских заговорщиков сенатскому суду и отказе от создания в Царстве Польском Верховного уголовного суда или аналогичного ему судебного учреждения. Во втором разделе – *«Вопрос о Верховном уголовном суде в Комитете 6 декабря 1826 года»* – охарактеризован процесс обсуждения в этом комитете вопроса о введении в России Верховного уголовного суда (в рамках общей реформы высших государственных учреждений) и те изменения, которые были внесены в первоначальный проект. В основном, третьем разделе главы, *«Верховный уголовный суд в Своде законов 1832 года и Своде военных постановлений 1838 года»*, решается один из ключевых вопросов в истории Верховного уголовного суда – время и полнота его институционализации. Содержание Свода законов недвусмысленно свидетельствует о том, что в 1832 г. Верховный уголовный суд («особенный Верховный уголовный суд») получил законодательно установленные организацию и особенности судопроизводства и таким образом стал полноправной частью российских судебных учреждений, хотя некоторые нормы Свода законов позволяли при желании вносить изменения в его состав и принципы организации. Обращение к Своду военных постановлений позволило, с одной стороны, подтвердить, что юридически Верховный уголовный суд был в 1830-е гг. сделан высшей судебной инстанцией; с другой, тот же Свод позволил зафиксировать тенденцию к умалению его роли: так, в одной из статей о государственных преступлениях вместо положенного Верховного уголовного суда поставлен «особый суд». В четвертом и пятом разделах, *«Варшавский процесс 1832–1833 годов как особый уголовный суд»* и *«Суд над петрашевцами»*, показано, что замена в Своде военных постановлений «Верховного уголовного суда» на «особый» отнюдь не была случайной оговоркой. Отказываясь по каким-то причинам от созыва Верховного уголовного суда, традиционного военного суда или проведения внесудебной репрессии, Николай I без колебаний создавал судебные комиссии ad hoc в полном смысле этого слова, то есть, не по законодательно установленному образцу, а по собственному разумению, каждый раз разрабатывая состав суда и его процессуальные особенности.

Верховный (Особый) уголовный суд 1832–1834 гг. по делу польских повстанцев и судебная комиссия по делу петрашевцев были именно такими, полностью импровизированными судебными учреждениями. С точки зрения российской юстиции и для российской судебной системы это были особые, но отнюдь не Верховные уголовные суды.

В **Заключении** изложены основные результаты исследования и дан краткий очерк истории Верховного уголовного суда во второй половине XIX в., начиная с судебной реформы 1864 г. Особое внимание обращено на отрицательное отношение к институту Верховного уголовного суда либеральной части российского общества и, в конечном счете, определенные его неудобства для самой власти, главным образом вследствие общей громоздкости и недостаточной послушности, продемонстрированной на процессе 1866 г. по делу «каракозовцев». Все это привело к вытеснению Верховного уголовного суда более эффективными судебными механизмами – Особым присутствием Правительствующего Сената и военно-судными учреждениями.

Публикации по теме диссертации:

- 1) Боленко К.Г. Новый подход к исследованию деятельности Верховного уголовного суда над декабристами // Информационный бюллетень Ассоциации "История и компьютер". № 21. Минск, 1998. С. 101–102 (в соавторстве с Е.В. Долгих и Н.В. Самовер). – 0,1 п.л.
- 2) Боленко К.Г. К вопросу о борьбе мнений на заседаниях Верховного уголовного суда над декабристами // Круг идей: макро и микроподходы в исторической информатике. Труды V конференции Ассоциации "История и компьютер". Минск, 1998. Т. 1. С. 96–108 (в соавторстве с Е.В. Долгих и Н.В. Самовер). – 0,4 п.л.
- 3) Боленко К.Г. Верховный уголовный суд 1826 года: декабристская версия в историографической традиции // Пушкинская конференция в Стэнфорде: Материалы и исследования / Под ред. Дэвида М. Бетеа, А.Л. Осповата, Н.Г.

Охотина, Л.С. Флейшмана. М., 2001. С. 143–170 (в соавторстве с Н.В. Самовер).
– 1,8 п.л.

4) **Боленко К.Г. Верховный уголовный суд по делу декабристов // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 160–165. – 0,6 п.л. (журнал входит в перечень изданий, рекомендованных ВАК).**

5) **Боленко К.Г. Неслучайный эпизод: М.М. Сперанский и Верховный уголовный суд над декабристами // Родина. 2009. № 3. С. 70–72. – 0,5 п.л. (журнал входит в перечень изданий, рекомендованных ВАК).**

6) Боленко К.Г. Проект Генерального суда Екатерины II: истоки и результаты // Е.Р. Дашкова: Великое наследие и современность / Отв. ред. Л.В. Тычинина. М., 2009. С. 263–268. – 0,5 п.л.